

Новицкая Вера Сергеевна

Галя

Повесть для юношества

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В31

В31 **Вера Сергеевна Н.**
Галя: Повесть для юношества / Новицкая Вера Сергеевна – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 270 с.

ISBN 978-5-521-25397-5

ISBN 978-5-521-25397-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

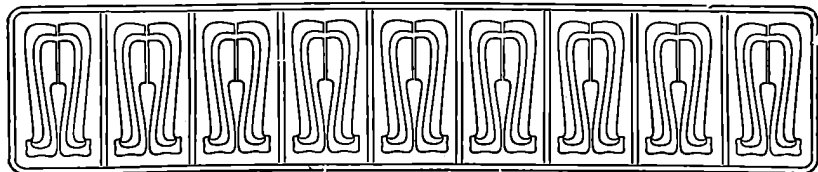
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Радостное извѣстіе.

Н у-съ, вотъ мой младенецъ и въ полномъ парадѣ, спеленутъ, какъ слѣдуетъ быть, лучше не нужно; теперь въ кипятокъ, и кипи себѣ, миленькій мой, на доброе здоровье!

Говоря это, маленькая черноволосая дѣвушка, одѣтая въ розовый холстинковый передникъ, окутававшій кругомъ ея тоненькую фигурку, съ засученными до локтя рукавами, ловкими, смуглыми ручками быстро обматывала что-то, на первый взглядъ, дѣйствительно, напоминавшее собой спеленутаго ребенка. Вытянувъ на столъ это нѣчто во всю длину, дѣвушка выравнивала его съ боковъ, приговаривая:—Сейчасъ, сейчасъ, миленькій, погоди, закипитъ ванночка, вотъ и бухнемся прямо въ нее.

— Да кипитъ ужъ, ключомъ кипитъ ванна-то заша, что твой паровикъ, пары распускаетъ; милости просимъ, пожалте! Съ легкимъ паромъ имѣемъ честь проздравить ваше поросятское сіятельство,—осклабившись, вторитъ тону дѣвушки круглая, добродушная, еще молодая кухарка.

Розовая фигурка быстро направляется къ плитѣ нагнувшись надъ длинной жестяной посудиною, какихъ обыкновенно варятъ рыбу, усиленно нюхать клокоющую въ ней жидкость.

— А всего ли мы положили, Катеринушка? Совсѣмъ уксусу не слышно. Ты навѣрно помнишь, что налила? Вдругъ забыла?

Пушистая, черная головка, какъ вѣнкомъ обвитая двумя длинными, тяжелыми косами, поднимается отъ плиты. Смуглое, розовое, больше обыкновеннаго разрумянившееся отъ кухоннаго жара, личико съ громадными, влажными, словно мокрыя вишни, глазами, съ маленькимъ, прямымъ носомъ, пунцовымъ ртомъ и темной родинкой надъ верхней губой, вопрошающе поворачивается въ сторону женщины.

— Да налила, барышня, ей же Богу, налила; цѣльныхъ три ложки; будьте спокойны, не подгажу, чай, не впервое-то; всего въ плепорцію, али за перечнымъ духомъ кисли-то уксусной и не разнюхать,—увѣряетъ кухарка.

Бѣленькія ноздри снова усиленно работаютъ надъ кастрюлей; темная половка съ видомъ сомнѣнія покачивается нѣсколько разъ изъ стороны въ сторону.

— Не вѣрь ноздрямъ, не вѣрь ушамъ, а вѣрь языку. Ну-ка, Катеринушка, давай ложку, да попробуемъ, что-то уксусу твоего я, хоть зарѣжь, никакъ не разнюхаю.

— Твоя правда. Есть. И вку-у-сно же будетъ! А-а-ахъ! — попробовавъ, успокаивается, наконецъ, дѣвушка.—Ну-съ, младенецъ мой прекрасный, баюшки-баю,—съ этими словами она схватила со стола и бережно опустила въ кипящую воду приготовленный ранѣ свертокъ.

— Вишь, вѣдь какая сумнительная наша барышня, до всего чтобъ самой дойти, своимъ рукамъ все сдѣлать,—укоряетъ кухарка.

— Ну, не ворчи, не ворчи, Катеринушка: знаешь, лучше пять разъ попробовать, чѣмъ одинъ разъ испортить. И въ будній-то день непріятно, а ужъ на Пасху чтобъ не удалась руляда эта самая, которую у насъ всѣ такъ страшно любятъ,—только не хватало!

— Да ужъ толковъ нѣтъ, нажевала бы вамъ барыня голову-то, коли бы не потрафили, это точно,—согласилась женщина.

— Ну, головы моей, авось, не разжевала бы—твердая!—улыбнулась дѣвушка,—а самой непріятно: взялась, такъ гляди, что за разиня недобросовѣстная.

— Это вы чтоль недобросовѣстная?! Самое слово подходящее; кабы да побольше такихъ безсовѣстныхъ, такъ на землѣ бы небесное царство настало...—философствовала кухарка, въ то же время старательно обмывая въ лаханкѣ большой, аппетитный окорокъ; два другихъ, дожидаясь очереди, лежали на придвинутой къ столу табуреткѣ.

Женщина собиралась далѣе развивать свою мысль, но разсужденія ея были прерваны какимъ-то шумомъ и возней за кухонной дверью, ведущей въ коридоръ и жилыя комнаты. Кто-то надавливалъ дверную ручку, въ то же время отстраняя и уговаривая своего незримаго спутника, видимо, тоже стремившагося проникнуть слѣдомъ. Шла упорная борьба. Въ разгаръ ея дверь слегка приотворилась, и оттуда показалась голова горничной, Дуни,—одной изъ борющихся сторонъ; но побѣда оказалась не за ней. Въ ту же секунду что-то большое съ силой ринулось въ образовавшееся узкое отверстіе, и дѣвушка не успѣла опомниться, какъ почти вѣхала верхомъ на спинѣ счастливаго побѣдителя—громднаго, мохнатаго сенъ-бернара.

— Ловко, Дуняшка! Лихо прискакала, что твой жандаръ!—хохотала кухарка надъ опѣшившей отъ неожиданности горничной.

Собака, между тѣмъ, довольная, что добилась настойчиво преслѣдуемой ею цѣли, съ радостно поджатыми ушами и умиленной фізіономіей, чуть не вскачь черезъ всю громадную кухню, кинулась къ фигуркѣ въ розовомъ передникѣ; но неотразимо пахнушіе окорока заставили ее, круто свернувъ съ прямого пути слѣдованія, сдѣлать минутную стоянку

у соблазнительной табуретки; голова слегка приподнялась, и темныя ноздри быстро-быстро задвигались, вдыхая дивный аромат; однако, длилось это лишь мгновенье: весь охваченный радостью встрѣчи, которой такъ настойчиво искалъ онъ, сенъ-бернаръ бросился прямо къ дѣвушкѣ.

— Только тебя здѣсь не хватало! Ты зачѣмъ пришелъ, Османъ, а-а? Нельзя сюда, понимаешь?— не-ль-зя!—ласковымъ укоромъ встрѣтила его дѣвушка.

При хорошо знакомомъ словѣ „нельзя“, умное животное виновато поджало, было, уши и заискивающе стало заглядывать въ глаза своей собесѣдницѣ, но голосъ ея былъ совсѣмъ не строгій, лицо улыбалось, и Османъ, понявъ, что бояться тутъ совершенно нечего, отбросивъ покаянный видъ, восторженно завилялъ хвостомъ, положилъ свои громадныя лапищи на тоненькія плечи дѣвушки, и въ одну секунду его проворный, розовый языкъ пробѣжалъ по лѣвой щекѣ, уху и шеѣ пріятельницы.

— Тише, тише, сумасшедшій! Вѣдь ты меня на плиту опрокинешь,—слегка отбивалась дѣвушка.— Ну что, радъ? Радъ! Радъ!.. вижу, что радъ!..—обратилась она къ собакѣ, беря двумя руками ея мохнатую голову.—И я рада, очень-очень рада тебя видѣть, только все же лучше бы ты убрался отсюда, право, миленькій. Пахнетъ вкусно? Правда, хорошо пахнетъ,—подтвердила она, видя, что собака, все еще держа лапы на ея плечахъ, поводитъ носомъ въ сторону закипающей руляды.—Вкусно, очень?—поддразнивала она пріятеля; — а кушать нельзя. Нѣтъ, нѣтъ, напрасно ты думаешь,—разочаровала она собаку, въ радостномъ ожиданіи мгновенно поднявшую уши при словѣ „кушать“.—Нельзя! Сколько ни смотри—нельзя! Хоть ты и очень милый, да, милый,—повторила дѣвушка, при видѣ новаго движенія и игры фیزیономіи животнаго, вызванныхъ звукомъ еще одного хорошо знакомаго слова:—а все-таки нельзя!—доказывала она.

— Ну и пусти, лапы снимай. Ну же, пусти, Османушка!—сбросила, наконецъ, дѣвушка тяжело-вѣсныя объятія своего друга.

— А руляда уже закипѣла,—посмотрѣвъ, объявила она.

— Теперь восемь часовъ, значить, ровно въ одиннадцать я приду ее вынимать. Только безъ меня, Катеринушка, не трогай, я сама должна посмотрѣть.

— Да ужъ сама, сама, извѣстно, все сама. Какъ же иначе? Не трону, не бойтесь,—добродушно посмѣивается кухарка.

— Ну, а мнѣ-то, какъ окорока обмою да мочить положу, тады что дѣлать? — освѣдомилась женщина.

— Тогда творогъ для пасхи черезъ рѣшето протри да на ледникъ вынеси, чтобы завтра съ нимъ никакой возни не было; яички чисто-начисто съ содой перемой, чтобъ и на это завтра времени не тратить, а только взять да покрасить. Такъ будешь помнить? А я пока пойду: хочется сегодня еще хоть немного поработать, вѣдь на праздникахъ мнѣ идохнуть некогда будетъ, закручусь совсѣмъ по дому.

— Да ужъ ваша жистъ—хуже нашей. Лба перекрестить, прости Господи, вамъ не дадутъ. Взять, хотя бъ, сегодня: этакій день, така служба, а вамъ и въ церкву-то не вырваться. Ну, добро наша сестра, стой да пекись у плиты, коли больше ничему не образована, а то вы, барышня, ученая, а день-деньской, какъ въ ступкѣ, толчетесь: съ кухни въ кладовку, съ кладовки въ погребъ, либо на машинкѣ своей швейной стучаете, да за полночь крюкомъ сидите,—тоже жистъ называется! Да еще не потрафишь, да ворчатъ, да куражуются...

— Ну пошла-поѣхала меня оплакивать. Я не плачу, такъ она за меня. Небось, и въ церкви бываю, и лобъ перекрещу, и къ Плащаницѣ приложусь, не завтра конечно,—завтра и думать нечего,—а въ субботу утормъ: поѣду въ городъ за покуп-

ками, вотъ и заверну; ну, а теперь бѣгу. Да, чтобъ не забыть, вотъ этотъ окорокъ, что варится будетъ, ты, Катеринушка, завтра, какъ только встанешь, сейчасъ же изъ воды вынь, а то перемокнетъ, а тѣ два, которые въ тѣстѣ запекать хотимъ, пускай себѣ еще полежатъ, насчетъ ихъ я ужъ завтра распоряжусь. Ну, Османчикъ, пойдемъ. Пойдемъ, мой милый старикъ! Тише же, тише, не скачи такъ! Вѣдь ты особа почтенныхъ лѣтъ, а все себя какъ ребенокъ ведешь. А это, братецъ мой, ужъ совсѣмъ невѣжливо, — кто же прямо въ лицо чихаетъ? Извинись, скорѣе извинись! Такъ! Хорошо! — одобрила дѣвушка, когда собака, въ знакъ извиненія энергично лизнула ея руку. — А теперь пойдемъ.

Миновавъ длинный коридоръ, дѣвушка въ сопровожденіи своего четвероногаго пріятеля, вошла въ столовую. Она внимательно, опытнымъ хозяйскимъ глазомъ оглядѣла каждый уголокъ ея; такъ же подробно были освидѣтельствованы и остальные комнаты.

— Слава Богу, кажется, все въ порядкѣ. Молодецъ Дуняша, точно все выполнила. Да, только вотъ еще лампадки осмотрѣть, всѣ ли налиты. Надя непременно, какъ всегда, довезетъ съ двѣнадцати евангелій горящую свѣчку и сама затеплитъ ея лампадку.

— Конечно, забыла.

Подставивъ стулъ, дѣвушка ловко вскочила на него и, убѣдившись, что лампадка не заправлена, держа ее въ рукѣ, легко и безшумно спрыгнула обратно на полъ. Постепенно передъ всѣми образами были налиты лампадки и, совершенно готовые, ожидали свѣтлаго предпраздничнаго огонька, который озаритъ темные лики старинныхъ иконъ.

— Ну, теперь-то ужъ совсѣмъ все! можно и за Тургенева приняться да кое-что подзубрить, пока наши изъ церкви вернутся; служба сегодня вѣдь длинная, едва ли раньше половины десятаго кон-

чится. Такъ пойдѣмъ, Османушка, ко мнѣ. Хочешь? Ну ладно, вижу, вижу, что хочешь, только хвостомъ такъ не размахивай, а то опять что-нибудь съ этажерки сбросишь.

Продолжая бесѣду со своимъ, хотя и безсловеснымъ спутникомъ, но, видимо, прекрасно понимавшимъ почти каждое слово, малѣйшую интонацію ея голоса, дѣвушка поднялась по деревянной лѣстницѣ въ мезонинъ, гдѣ помѣщалась ея комната.

Небольшая, очень просто, даже скудно меблированная, она казалась бы пустой, если бы не цѣлая масса цвѣточныхъ вазоновъ, съ неприхотливыми, но большими, обильно покрытыми зеленью, кустами и деревьями: здѣсь виднѣлись пышно разросшіяся китайскія розы, гигантскія герани и бархатистыя пеларгоніи, раскидистый, широкопалый филодендронъ со своими змѣящимися воздушными корнями; скромненькія, едва замѣтныя, но наполняющія всю комнату дивнымъ ароматомъ, бѣлоснѣжныя звѣздочки горшечнаго жасмина и, наконецъ, гордость, питомцы и друзья самаго ранняго дѣтства хозяйки этой горенки — два великолѣпныхъ, стройныхъ, ровныхъ, превышающихъ косякъ окна, темнолистыхъ фикуса. Свѣтло-розовыя, въ букеты, дешевенькія ситцевыя занавѣски, такой же, граціозно задрапированный поверхъ некрашеннаго дерева, туалетный столикъ, сверкающее своей блестящей поверхностью небольшое зеркало, словно подсматривающее изъ-за спущенныхъ по бокамъ его розовыхъ полотнищъ, съ отраженными въ немъ букетами; два креслица, въ такихъ же накинутахъ на нихъ чехлахъ, чистенькая, застланная розовымъ пикейнымъ одѣяломъ, кровать, стоячая этажерка, маленькая висячая да столъ, преобразованный въ письменный, доканчивали несложное убранство этой комнатки; тѣмъ не менѣе, свѣтлая и привѣтливая, она, казалось, улыбалась навстрѣчу всякому входящему, обдавая его своимъ розоватымъ свѣтомъ, юная и

жизнерадостная, какъ обитающая въ ней черноглазая дѣвушка. Изобиліе разнородныхъ букетиковъ всюду, куда только возможно было умѣстить ихъ, пріятно ласкало глазъ: здѣсь были незатѣйливые барвинки, лѣсныя фіалки и красавцы-нарцисы, все первенцы свѣтло-зеленой, кокетливой весны, на этотъ разъ ранѣе обыкновеннаго раскинувшей свои пестрые ковры.

Войдя въ комнату, Османъ грузно улегся на полу, примостивъ свою мохнатую голову на вытянутыя, словно обутыя въ бѣлые чулки, переднія лапы, дѣвушка же сѣла у письменнаго стола. Выдвинувъ средній его ящикъ, она достала оттуда толстую тетрадь, мелко исписанную красивымъ, разборчивымъ почеркомъ, и учебникъ русской словесности Садовника.

— Боже, подумать только, что я еще на Тургеневѣ сижу, когда гимназистки уже весь курсъ окончили и повторить успѣли. Надя говоритъ, что „Дворянское гнѣздо“ сейчасъ послѣ Рождества проходили, а я вотъ только-только въ апрѣлѣ доучиваю его. Одна надежда на лѣто. Ахъ, если бы хоть чу-чуточку больше времени!..

И дѣвушка вся погрузилась въ работу: то внимательно читала она и перечитывала важнѣйшія мѣста, то дѣлала какія-то замѣтки въ свою кожаную тетрадь.

Не болѣе минутъ сорока прозанималась дѣвушка, какъ торопливые шаги по лѣстницѣ и быстро запахнувшаяся дверь горенки заставили ее оторваться отъ книги.

— Что, Дуняша, неужели наши уже изъ церкви возвратились?—поспѣшно повернулась она въ сторону вошедшей горничной.

— Что вы, барышня, откуда имъ взяться ранъ-то такую! Тутъ дѣло другое: нарочный телеграмму съ городу принесъ, такъ вы извольте перво-наперво расписаться, а опосля того человѣку за доставку

требуется уплатить, сорокъ, что ли, копеекъ, сказываль онъ,—и горничная подала сложенный по установленному образцу телеграфный бланкъ.

— Получай обратно; готово. А вотъ полтинникъ, рассчитайся сама съ человѣкомъ, а я еще позаймусь немножко,—вручая горничной квитанцію и деньги, промолвила дѣвушка.

Она, было, снова прилежно склонилась надъ книгой, но, выбитая изъ колеи полученной депешей, нѣтъ-нѣтъ невольно возвращалась къ ней мысленно.

— Интересно все-таки, кто телеграфируетъ? Въ чемъ дѣло? Вдругъ что-нибудь очень срочное и нужно сію же минуту отвѣтить или распорядиться? Не вскрыть ли? Прошлый разъ, когда телеграфировала Лѣля о своемъ пріѣздѣ, я не вскрыла—и получила за это отъ Марьи Петровны хорошую нахлобучку. Распечатаешь, да не впопадъ, опять выбранять... Пожалуй, все-таки лучше прочесть; въ крайности, коли секретъ тамъ какой или такъ почему-либо неудачно поспѣшу да людей разсержу—ну, извинюсь. Да какіе тамъ въ телеграммахъ секреты? Ну, была не была!..

Поперечная заклепка разорвалась подъ тонкимъ пальчикомъ, и большіе, черные глаза съ интересомъ устремились на развернутую бумагу. Вдругъ они радостно засвѣтились; горячій румянецъ возбужденія залилъ смуглыя щечки, и губы, помимо воли, расплылись въ счастливую улыбку, обнаруживъ рядъ молочно-бѣлыхъ, миндалевидныхъ зубовъ.

„Бду къ вамъ на нѣсколько дней.

Михаилъ Таларовъ“.

были тѣ строки, которыя озарили радостью молодое заалѣвшее личико.

— Дядя Миша ѣдетъ! Господи, какое счастье! Миленькій, родненькій, дорогой, славный мой дядя Миша! — громко воскликнула дѣвушка, безсознательно прижимая къ груди грязно—бѣленькій листокъ бумаги.

— Хорошо, что я вскрыла! Если даже бранить будутъ, пускай, теперь все пустяки! Я ни слушать, ни къ сердцу принимать не стану. Дядечка, миленькій!—снова, чуть не прыгая, громко, на всю комнату произнесла дѣвушка.

— Да, пріѣдетъ, все это прекрасно, но когда?..— черезъ секунду обсуждала она:— Не пишетъ... Ничего не сказано... Значить, выѣхалъ, уже въ дорогѣ, и сегодня ночнымъ...—Отъ радости она не договорила своей мысли.—Но, въ такомъ случаѣ, надо сію же минуту приготовить ему комнату, ту, кожаную, которую онъ такъ любить. Бѣгомъ! Бѣжимъ, Османушка, живенько! Нечего потягиваться, подымайся! Дядя Миша ѣдетъ, понимаешь?—Дядя Миша! Ахъ, ты дурень—дурень, ровно ты ничего не смыслишь. Не притворяйся, пожалуйста, и головой со стороны въ сторону не верти; хоть вообще-то ты у меня, кажется, все рѣшительно понимаешь, но на сей разъ ни-ни, ничевусеньки не соображаешь. Ну, бѣгомъ!—И дѣвушка въ сопровожденіи своего вѣрнаго адъютанта, перепрыгивая черезъ двѣ-три ступеньки, не боясь нарушить ничьего покоя въ пустомъ домѣ, съ шумомъ и грохотомъ неслась внизъ по лѣстницѣ.

Черезъ какой-нибудь часъ „кожаная“ комната, бывший кабинетъ покойнаго Таларова, хозяина дома и старшаго брата ожидаемаго нынѣ гостя, оказалась неузнаваемой. Каждая вещь переставлялась по нѣскольку разъ, пока ни попадала на то именно мѣсто, на которомъ, какъ помнилось дѣвушкѣ, она стояла въ тѣ далекія, блаженные времена, когда „дядя Миша“ былъ не гостемъ, а постояннымъ, непремѣннымъ членомъ этого дома.

— Теперь живенько притащить изъ столовой качалку и поставить вотъ сюда, въ этотъ уголъ; на ней дядя Миша всегда читаетъ, а послѣ обѣда и ужина курить. Пожалуй, Марья Петровна наворчитъ, сердиться будетъ?..—беретъ дѣвушку минутное раз-